

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ДОБАВИТЬ В ИЗБРАННОЕ

— А когда вы перестали снимать Немцова, вы продолжили общаться?

— Общались, но редко. Просто встречались на каком-нибудь событии. На похоронах Валерии Новодворской, например. Я прихожу снимать для проекта «Реальность» похороны и там встречаю его. Немного снимаю, потом мы просто болтаем или идём кофе пить.

— Кроме темы возраста у него были ещё какие-то похожие болезненные пункты?

— Его очень задевало, когда кто-то говорил: «Вы ничего не делали! Вы раньше поддерживали Путина, а теперь против него!», когда его осуждали за прошлое. Всё-таки он тогда был неоднозначной фигурой в политике.

— Почему вы решили снимать именно документальное кино?

— Когда я заканчивала школу, я просто решила, что буду снимать кино. Я очень много смотрела, ходила по различным киноклубам. В какой-то момент ещё в школе у меня оказалась камера, и я начала снимать всё и везде. Я одновременно ходила и на курс игрового кино, и на документальное, но быстро поняла, что мне интересно заниматься только доком. Мне важно ловить действительность в кино — это физически доставляет мне удовольствие. Игровое кино — тоже интересно, но кажется, что я в этом не очень талантлива. Я не могу создать такой мир, чтобы в него верили. Может быть, так только пока, но работать с игровым ещё не хочется.

— А какое кино вы тогда смотрели?

— Я смотрела классику: Антониони, Бергмана, Годара. Сейчас смотрю всё подряд. Последнее, что мне понравилось, — «Страна ОЗ» Василия Сигарева, «Брат Дэян» Бакура Бакурадзе. Раньше я думала, что у меня есть периоды, когда не хочется смотреть кино, но сейчас не могу так сказать. Это полезно. Иногда даже физически тянет. Особенно много смотрю на фестивалях, хотя это и тяжеловато.

— Вы сейчас что-то ещё снимаете?

— Сейчас я заканчиваю один коллективный проект. Снимаю про многодетную семью и мальчика из детского дома.

— Это не связано с политикой?

— Слава Богу, нет! Я сегодня не могла уснуть, всё перебирала, что я по-настоящему хочу дальше делать. Но снимать что-то связанное с политикой больше не хочу. Если посмотреть на мои фильмы — и «Зима, уходи!», и «Срок. Начало большой истории», и «Мой друг Борис Немцов» — всё про политику.

— Случайно так получалось?

— Случайно, и это очень меня расстраивает. Политика кажется мне грязной стороной жизни. Похоже, я немного промахнулась с тем, что в фильме нет ничего, кроме Немцова. Если бы я сейчас это снимала, то пустила бы больше воздуха, города бы снимала.

— До знакомства вы вдавались в подробности его политической карьеры?

— Нет. Мы играли с моим парнем в «Театр.doc» спектакль про Никиту Тихонова и Евгению Хасис, вот тогда я впервые оказалась с Немцовым в одном пространстве. Он там раздавал свои книжки. Никто же не предполагал тогда, что я буду его снимать, поэтому мне было неинтересно, что у него за карьера. Кажется, я в «Википедию»-то о нём посмотрела полезла в первый раз во время мон-

тажа, чтобы сделать информационные вставки (они не вошли). Мои воспоминания и так трансформировались. Столько раз я посмотрела материалы и сам фильм, что они поблекли. Наверное, он бы обиделся, что я сейчас не читаю его книг. Вот Илья Яшин обижается на то, что я не читаю его Facebook.

— Вы сейчас общаетесь?

— Да, я снимала его доклад про Кадырова, например. Мы не совсем друзья, просто встречаемся по каким-то поводам: фильм, его доклад или марш памяти Бориса Немцова... Раньше Яшина я недолюбливала и считала занудой. А недавно всё-таки прониклась.

— Вы же находитесь внутри либерального круга...

— Не по своей воле. Это просто вектор работы.

— У вас как-то менялось восприятие этих людей?

— Я разочаровалась. Как довольно протестный человек, я интересовалась политикой ещё со школы, ходила на «Марши несогласных». А когда мы начали снимать «Зима, уходи!» и «Срок», стало казаться, что нет нормальных людей, что все или сумасшедшие, или зануды.

— На самом деле, после фильма «Зима, уходи!» появляется ощущение, что люди сходят с ума — и со стороны тех, кто митингует, и тех, кто их разгоняет.

— Я смотрела кадры моего друга Андрея Киселёва на следующий день после убийства Бориса с моста. Каждый восьмой там был сумасшедшим. Люди начинают кричать: «А где кровь?! Здесь не было убийства, если нет крови!», «Прощай, Борис! Здравствуй, Борис!» В нашей русской жизни каждый восьмой, которого ты снимаешь, окажется психом.

— Вы не собираетесь представлять фильм в Перми?

— К сожалению, нет. Я бы очень хотела приехать. Но организаторы показов, увы, меня не приглашают. Меня давно влечёт Пермь, особенно интересно, что в Перми случилось после Марата Гельмана.

— В каких городах уже были показы?

— В Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Ярославле, Тюмени, Екатеринбурге, Ижевске. Больше всего зрителей было в Москве, конечно. Но очень хороший показ прошёл в Ельцин-центре. А в Тюмени плохо прокатили. Отзывы о фильме были ужасные. Люди писали, что они Немцова из фильма не узнали и не полюбили. Мне сказали потом, чтобы я не расстраивалась, потому что это были политические заказные статьи.

— Вы серьёзно всё читаете?

— Мне же интересно получить обратную связь. Более того, даже ребёнок, которого я сейчас снимаю, всё читает. Вводит в поисковике «Зоя Родкевич» и читает.

— «Мой друг Борис Немцов» был вашим первым самостоятельным фильмом без соавторов?

— Как фильм, вызвавший резонанс, — да. Но у меня ещё был фильм «Временные дети».

— У вас такое постоянство интересов...

— Мне нравится снимать детей. Получается установить такой сокровенный контакт, который трогает и меняет тебя. Хотя странно получается — политика и дети. Это ведь две крайности практически...

Расширение Вселенной

Must hear: обзор музыкальных новинок от Павла Катаева

1/2 Orchestra — Mode

Московская группа «Пол-оркестра» (читать следует так) выросла из уличного брасс-бэнда. За пять лет существования парни записали четыре альбома, недавно выступали на Tallinn Music Week, а когда-то вышивали с участниками «Ленинграда» за сценой венгерского фестиваля Sziget. На последних двух альбомах 1/2 Orchestra демонстрируют зрелищные эксперименты на стыке жанров. «Этой пластинкой мы доказываем, что в нашем случае взаимодействие духовых и электроники не просто счастливая случайность, а продуманная и самодостаточная работа», — прокомментировал нынешний релиз участник ансамбля Павел Пахомов на сайте FURUR. Тем временем «продуманная и самодостаточная работа» звучит с огоньком.

Новый LP напоминает саундтрек к видеоигре, такой старомодной фантазийной аркаде. Сам сборник называется Mode, а треки — словно локации на различных уровнях: Supercruster, 100% O2, Island, Farm... Тот факт, что состав инструментов — барабаны, перкуссия, тромbones, труба, туба и саксофон, ничуть не смущает. Симбиоз тёплой меди и микросхем становится очень взаимовыгодным. Безумием бита легко заражаются барабаны, сдавленный цифровой скрип созвучен отрывочному пассажу саксофона, а духовые из разных регистров в один голос поощряют семплерные кривляния. Между тем графика в этой фееричной игре детализирована и не лишена шарма. Ритмический рисунок трансформируется на высоких скоростях, в то время как брасс-секция варьирует свои партии в равной степени эффектно и слаженно. Так, стилизованный Восток в композиции Skarabey будто стремится к лукавому изяществу, запечатлённому в Caravan Эллингтона и Тизола. Цифра здесь совсем не помешает.

Causa Sui — Return to Sky

В переводе с латыни causa sui — причина себя. Датская команда называлась так неслучайно: вдохновлялась взглядами Спинозы, пестовала свободу импровизации и связь музыки с первозданной природой. Группа существует с 2005 года, за это время она «наимпровизировала» восемь альбомов и в Return to Sky лишь расширяет воображаемую Вселенную. Стоит ли говорить, что выход за пределы себя в культурный контекст неизбежен. Скандинавы вдохновляются музыкой Can и Майлса Дэвиса, причём высоколобый немецкий симфонизм явно преобладает над духом проникновенного джаза. Ритм-секция гудит разросшимся шаманским бубном, сдавленные электрогитары входят в транс, покачиваясь в монотонных циклах аккордов. Однако часто кажется, что медитация идёт по сценарию, расписанному вполне трезвым racio. В этом смысле музыка Causa Sui больше представима в европейских клубах, чем на полях Вудстока.

Radical Face — The Family Tree: The Leaves

Американец Бен Купер выпустил завершающую часть трилогии The Family Tree; «Семейное древо» составили «Корни» (The Roots), «Ветви» (The Branches) и «Листья» (The Leaves). Речь идёт, по сути, о большом мультимедийном проекте — семейной care, написанной в форме песен. Каждая из них рассказывает определённую историю из жизни нескольких поколений вымышленных Норткотов. Здесь найдётся место и родовым проклятиям, и ожившим призракам, и фолкнеровскому драматизму. Все истории складываются в единый сюжет, представленный на сайте Radical Face. Тон для рассказа за семейных преданий Купер выбирает наиболее подходящий: высокий вокал, смягчённый и смазанный (от времени?), под струнную акустику — нечто похожее на Carrie & Lowell Суфьянна Стивенса. Однако, в отличие от последнего, Купер активнее прибегает к помощи электричества, придающего музыкальной care литературный вес. Даже если вы не сильны в английском и не хотите кликать по интерактивной карте, разбираясь в фабуле, эта повесть приятна на слух.

